

УДК / UDC 398.22(=512.212)
DOI: 10.25587/i2607-6286-7959-a

А. Н. Варламов, М. П. Дьяконова

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

ЭПИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ ЭВЕНКОВ И ХАМНИГАН: К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос типологического сходства фольклорных традиций эвенков и хамниган. Основываясь на имеющемся материале эпоса восточных эвенков и эпических текстах олонских хамниган, проанализирован сюжетно-мотивный состав в эпических традициях эвенков и этнической группы хамниган, т. е. типологическое сходство эпических традиций эвенков и хамниган до настоящего времени не исследовано. Проблема этногенеза этнической группы, называемой хамниганами, в настоящее время поднимает научную дискуссию. Авторами взята за основу принятая в научной среде, наиболее верное изложение этнической истории этнолокальной группы эвенков-скотоводов хамниган, которая под влиянием монгольско-бурятской культуры утратила эвенкийское этническое самосознание. Также исследователи обращают внимание на наименование этнонима хамниган. В бурятском и монгольском языках слово хамниган означает «эвенк, тунгус», хамнигане проживают в Китае и Монголии и сохраняют диалект эвенкийского языка как родного (материнского). Целью настоящей работы является проведение сравнительного анализа эпических традиций эвенков и хамниган. Анализ демонстрирует отчетливое сходство мотивов в сюжетах об одиноком герое и конном охотнике, что свидетельствует об общности генезиса фольклорных традиций эвенков и хамниган. Общность сюжетов проявляется в фольклорных жанрах, сходстве персонажей, например, схожи дух леса, охотник-спаситель людей, одинокий герой-демиург и др. Кроме того, идентичны и некоторые структурные части эпоса: зачин, знаковая система запевов. Основной сюжет об одиноком герое и конном охотнике рассказывает о символе важнейшей культурной традиции конных эвенков – древних обще-эвенкийских охотничьих и приобретенных скотоводческих. Структура и мотивный состав сюжетов об одиноком герое-первопредке в эпических традициях эвенков и хамниган имеют отчетливое сходство, свидетельствующее о едином генезисе сюжета на ранних исторических этапах развития этноса. Полученные результаты, в свою очередь, подтверждают гипотезу о сложном этногенезе хамниган как тунгусской группы, чей этнографический комплекс исторически формировался под сильным влиянием культурных традиций монгольских народов. Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Ключевые слова: эвенкийский фольклор, эпос эвенков, нимнгакан, улигер, сюжет об одиноком герое, эвенки, олонские хамниганы

ВАРЛАМОВ Александр Николаевич – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Российская Федерация

E-mail: ataki2006@yandex.ru

VARLAMOV Alexander Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of North Philology Sector, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: ataki2006@yandex.ru

ДЬЯКОНОВА Мария Петровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск, Российская Федерация.

E-mail: dmp76@bk.ru

DYAKONOVA Maria Petrovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher of North Philology Sector, Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences, Siberian Branch, Yakutsk, Russia.

E-mail: dmp76@bk.ru

A. N. Varlamov, M. P. Dyakonova

Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russian Academy of Sciences
Siberian Branch

EPIC PLOTS OF THE EVENKS AND HAMNIGAN: ON THE ISSUE OF CULTURAL COMMUNITY

Abstract. The article deals with the issue of typological similarity of the folklore traditions of the Evenks and the Hamnigans. Based on the available material of the Eastern Evenk epic and the epic texts of the Onon Hamnigans, the plot and motive composition in the epic traditions of the Evenks and the ethnic group Hamnigans is analyzed. The typological similarity between the epic traditions of the Evenks and the Hamnigans has not yet been investigated. The problem of the ethnogenesis of an ethnic group called the Hamnigans is currently raising a scholar discussion. The authors take as a basis, accepted in the academic community, the most accurate presentation of the ethnic history of the ethnolocal group of Evenk cattle breeders Hamnigan, and which, under the influence of the Mongol-Buryat culture, lost its Evenk ethnic identity. They also pay attention to the name of the ethnonym Hamnigan in the Buryat and Mongolian languages means “Evenk, Tungus”, Hamnigans live in China and Mongolia and retain the dialect of the Evenk language as their mother tongue. The aim of this work is to carry out a comparative analysis of the epic traditions of the Evenks and Hamnigans. The analysis demonstrates a clear similarity of motives in the stories about the lonely hero and the horse hunter, which testifies to the common genesis of the folklore traditions of the Evenks and Hamnigans. The commonality of the plots is manifested in folklore genres, the similarity of characters, for example, the spirit of the forest, the hunter-rescuer of people, the lone hero-demiurge, etc. In addition, some structural parts of the epic are identical: the beginning, the symbolic system of songs is also similar. The main plot about a lonely hero and a horse hunter shows the symbol of the most important cultural tradition of equestrian Evenks – ancient common Evenk hunting and acquired cattle breeding ones. The structure and motivational composition of the plots about the lonely hero-first ancestor in the epic traditions of the Evenks and the Hamnigans has a clear similarity, indicating a single genesis of the plot at the early historical stages of the development of the ethnos. The results obtained, in turn, confirm the hypothesis about the complex ethnogenesis of the Hamnigans as a Tungus group, whose ethnographic complex was historically formed under the strong influence of the cultural traditions of the Mongolian peoples. The article is published in accordance with the research plan of the Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North Russian Academy of Sciences, Siberian Branch.

Keywords: Evenk folklore, Evenk epos, Nimngakan, Uliger, a story about a lonely hero, Evenki, Onon Hamnigans

Введение

Тема сходства (общности) эпических традиций эвенков и хамниган в отечественной науке является недостаточно изученной. Специальных сравнительных исследований до настоящего времени не проводилось. Первым к данной теме попутно обратился Ю. Д. Талько-Грынцевич в публикации «К антропологии тунгусов. Иройские хамнеганы. Антрополого-этнологический очерк» [1]. Исследователем опубликованы мифологические сюжеты о небесном охотнике-стрелке, защитившем людей от жара трех солнц; о духе хозяине леса, подарившем удачу охотнику; предание о происхождении хамниган и др. [1].

Впервые на общность фольклорных традиций эвенков и хамниган обращает внимание Г. И. Варламова. Анализируя тексты улигеров ононских хамниган, исследователь обозначила типологическое сходство мотивного состава в сюжете об одиноком герое эвенков и хамниган, в частности мотивы «изобретения героем лука», «воспитание героя собакой», «погоня героя за небесными девами, унесшими стрелу богатыря». Г. И. Варламова так же обозначила структурное сходство заповей эпических героев и наличие лексического пласта эвенкийского языка в улигерах хамниган. Исследователь отмечает перспективность сравнительно-типологического подхода в исследовании эпических традиций эвенков, хамниган и западных бурят [2].

Заслуживает внимания публикация С. В. Гомбоевой, посвященная общности мифологических традиций эвенков и хамниган. Автором выявлены общие сюжеты в текстах мифов о девочке и луне, в текстах цикла творения земли, а также в текстах о медведе-предке и медведе – брате человека. Кроме того, автор правомерно обозначает единый генезис некоторых традиций обрядового фольклора, в частности связанных с культом огня [3]. Т. Ю. Сем, обращаясь к текстам

эпоса эвенков, выявила сходство мотива богатства жителей верхнего мира в эпосе восточных эвенков и олонских хамниган [4, с. 104].

Как видим, к настоящему времени проблема типологического сходства эпических традиций эвенков и хамниган подробно не исследована. Настоящая публикация призвана восполнить существующий пробел и посвящена сравнительному анализу эпических традиций эвенков и хамниган. Опираясь на материал эпоса восточных эвенков и эпические тексты олонских хамниган, записанные Ц. Ж. Жамцарано и опубликованные Д. Г. Дамдиновым [5], анализируется сюжетно-мотивный состав в эпических традициях эвенкийского этноса и этнолокальной группы.

Проблема этногенеза хамниган

Прежде чем приступить к сравнительному анализу эпических традиций, кратко остановимся на проблеме этногенеза этнической группы, называемой хамниганами. Проблема происхождения хамниган до настоящего времени вызывает научную дискуссию. Преобладают две основные гипотезы происхождения группы – монгольская и тунгусская. По мнению Д. Г. Дамдинова, хамниганы имеют монгольское происхождение, а влияние эвенкийского компонента минимально [5]. Б. З. Нанзатов предполагает, что генетической основой хамниган послужили раннесредневековые племена киданей, а позднее дауры, вошедшие в тесные контакты как с тунгусо-маньчжурскими племенами, так и с баргу-бурятскими группами [6].

По предположению Ю. Д. Талько-Грынцевича, хамниганы – это достаточно обособленная тунгусская группа, оставшаяся на своих исконных землях и подвергшаяся сильному культурному влиянию пришлых монгольских групп [1]. В. А. Туголуков в статье, посвященной конным эвенкам Забайкалья, последовательно рассмотрел исторический процесс этногенеза этнической группы, который, по мнению исследователя, происходил в течение длительного времени во взаимосвязи с монгольским, а позднее даурским культурным влиянием, сопровождавшимся постепенным вхождением традиций коневодства и переходом на бурятский (монгольский) язык [7]. Е. Ф. Афанасьева, рассматривая этнические группы эвенков, характеризует хамниган Китая как локальную группу эвенков, эмигрировавших из Забайкалья после революции 1917 г. [8].

На наш взгляд, мнение Ю. Д. Талько-Грынцевича, В. А. Туголукова и Е. Ф. Афанасьевой – это наиболее верное изложение истории крупной этнолокальной группы эвенков-скотоводов, с течением времени утратившей эвенкийское этническое самосознание под сильным монгольско-бурятским культурным влиянием. Этноним *хамниган* на бурятском и монгольском языках означает «эвенк, тунгус» и характеризует он не только хамниган, но и эвенков в целом. Весьма показательным является факт, что значительная часть хамниган, живущих в Китае и Монголии, до настоящего времени сохраняет в своей среде диалект эвенкийского языка, что свидетельствует о тунгусском происхождении группы [9]. Анализ исторических документов из фондов Государственного архива Забайкальского края [10, 11] и Государственного архива Республики Бурятия [12, 13], содержащих сведения о родовом составе, списках прихожан дацанов, именах и событиях XVIII-XIX вв., позволяет предполагать о выделении значительной части хамниган в отдельную группу и вхождении в состав бурятского этноса в сравнительно недавнем историческом времени, начиная с первой половины XVIII в., завершаясь началом XX в.

Общность фольклорных традиций

Наглядным свидетельством сложного этногенеза хамниган являются фольклорные традиции данной группы, в которых заметно наложение монгольского (бурятского) культурного влияния на исходные эвенкийские сюжеты. Общность сюжетов проявляется в традициях разных фольклорных жанров эвенков и хамниган. В повествовательном фольклоре – это заметно в сюжетах о духе леса в образе женщины, в мифологии – в сюжетах об охотнике-спасителе людей и в цикле творения мира. Общий генезис фольклорных традиций отчетливо проявляется в эпических традициях эвенков и хамниган. В эпосе хамниган наиболее распространенным является сюжет об одиноком герое [5], который в своей основе не отличается от сюжетов эвенкийского эпоса. Оба героя предстают демиургами – изобретают лук и добывают огонь:

Нимгакан эвенков

Давно, давно жил один человек.
Имя его было Умун-Умусникон.
Этот Умусникон в чум заглянул – против
входа лежит сумка. Взял эту сумку – внутри
выдолбленная трубка. В трубке трут. Зажег
огонь с помощью трута
[14, с. 248–249].

Улигер хамниган

Он до этого всегда ел сырое мясо. «Однако, –
думает, – надо разжечь огонь, ведь я человек».
Затем взял он две листовенничные палочки,
начал тереть их друг о друга. Тер, тер и вот с
треском начал появляться дым. Потом стало
появляться и пламя
[5, с. 222].

Ключевые структурные части и мотивы, составляющие сюжет об одиноком герое в эпосе эвенков и хамниган схожи, а в некоторых случаях, едва ли не идентичны, как, например, в описательном содержании зачина некоторых текстов:

Нимгакан эвенков

Давным-давно, когда на самой середине
земли дерево, как травка выросло, а гора
как холмик подымалась...
[14, с. 213].
В самом начале, когда земля расстилалась,
как шкурка с головы дикого оленя-мойки,
когда море-океан с блюдечко льдинкой было
[14, с. 242].

Улигер хамниган

В раннее прежнее время,
Когда всякое деревцо
Было лишь кустиком,
Когда взрослый излюб
Был еще мараленком,
Когда синее море
Было еще лужицей,
Когда гора Сумбур
Была еще кочкой
[5, с. 222].

В текстах улигеров обнаруживаются слова эвенкийского происхождения. Например, одинокий мальчик в улигере зовется *нирай кубуун* – этот эпитет состоит из эвенкийского *нирай* – малыш, ребенок [15, с. 428] и хамниганского (бурятского) *кубуун/хубуун* – сын, мальчик [16, с. 177]. Индивидуальные запевы героев улигера этимологизируются с эвенкийского языка, например, запев *Болодора* из одноименного сказания: *Кикодэр кикодэр / Кикодэрэн дэрэнкуй* [5, с. 208, 209, 210]. На наш взгляд, этимология запева связана со значением *кикэн* – свист, *кикэ/кикэ-ми/кико-ми* – «свистеть» [15, с. 284]. Дословный перевод запева: *кико-де-рэ-н* – «свистит», где *-де* – суффикс вида процесса действия, *-рэ* – суффикс настоящего времени, *-н* – суффикс 3 лица ед. ч. [17, с. 755, 777, 785]. Стоит отметить, что знаковая система запевов эпоса в хамниганском улигере весьма схожа с подобной системой эпоса эвенков – запевы предваряют монологи и диалоги эпических персонажей. Главное отличие заключается в том, что в эвенкийском эпосе все запевы являются индивидуальными, а в улигере – их часть. На структурное и этимологическое сходство запевов персонажей нимгакана и улигера указывает Г. И. Варламова: «В улигерах олонских хамниган подобные неперебиваемые слова-строки, напоминающие эвенкийские запевные слова в монологах героев, присутствуют почти везде перед произносимой речью. Более того, мы находим и такие, которые часто бывают запевными словами героев эвенкийских сказаний» [2, с. 168].

В улигерах хамниган об одиноком герое образ оленного эвенка-орочона является типологическим. В сказании о Бодхон Харалдае ороchon приходит на помощь герою улигера (конному охотнику) – в самый критический момент сражения с семьей ханами главный герой обращается за помощью к лесному ороchon, который дает трех охотничьих собак, чтобы добыть спрятавшегося в стальной чаще барсука, хранящего души семи врагов героя [5, с. 248–254]. Примечательно, что охотник-хамниган и оленевод-орочон дают обязательство о взаимопомощи и называют друг друга братьями [5, с. 254].

В эпических традициях хамниган и забайкальских эвенков преобладающими являются сюжеты об одиноком герое и конном охотнике. Эти сюжеты являются символами важнейших культурных традиций конных эвенков – древних обще-эвенкийских охотничьих и приобретенных скотоводческих. Проведем сравнительный анализ мотивов, составляющих названные сюжеты

на примере сказаний олонских хамниган «Бодхон Харалдай» и «Мерген Цохондой с быстрым пестрым конем», которые по структуре и содержанию весьма схожи с эвенкийскими сказаниями об Умусликэне (Хуругучоне) и Торгане.

Сюжет об одиноком герое

Главным героем улигера «Бодхон Харалдай» является одинокий мальчик, воспитанный собакой: «В раннее прежнее время на краю Черного моря, жил один младенец и одна собака довольно долго. Они к людям не ходили» [5, с. 135]. Герой эвенкийского нимнгакана также рождается одиноким, не имея даже собаки: «Давным-давно, когда земля только становилась... Там жил один мата-богатырь. Не было у него ни олененка, ни собаки. Была у этого человека только младшая сестра» [14, с. 178].

Формула одиночества в улигере о Бодхон Харалдае и нимнгакане об Умусликэне идентична:

Нимнгакан эвенков

Когда земля только создавалась,
Когда реки только потекли...
В одном стареньком утэнчике
Одинокий человек жил.
Один-одинёшенек он был,
Никого-то не знал.
Отцом называемого человека нет,
Матерью называемой женщины нет,
Старшим братом называемого юноши нет,
Старшей сестрой называемой девушки нет,
Младшим называемого никого нет,
Родителей и родственников, не зная, живет
[18, с. 126].

Улигер хамниган

В раннее прежнее время на краю Черного моря
жили один младенец и одна собака довольно
долго. Они к людям не ходили...
Нет у меня ни отца, ни матери,
Нет у меня роду-племени,
Я сирота с рождения

[5, с. 148].

Герои хамниганского улигера и эвенкийского нимнгакана предстаютдемиургами – добывают первый огонь и изобретают первый лук:

Нимнгакан эвенков

Вот взял он древесное лыко. Взяв, разодрал на
волокна. Разодрав, сделал петли...
Вот задумался парень и сделал лук-самострел
[14, с. 213–214].

Улигер хамниган

Из тонкого тальника смастерил лук маленький
и из лыка натянул тетиву, из тальничка сделал
стрелы
[5, с. 137].

Завязку сюжета улигера и нимнгакана об одиноком герое составляет охота героя – в улигере герой охотится на трех маралух-двухлеток, одну из которых Бодхон Харалдай поражает своей стрелой; в нимнгаканах об одиноком Умусликэне и птичьим сыне Хуругучоне герой охотится на двух сестер-лосих:

Нимнгакан эвенков

– Лорго, лоргодёй!..
Одиноким Выросший
Умусли-богатырище...
За нами гонится, говорю!..
Наш Умусли тут же свой лук
Заклинает по-быстрому...
Выстрелил и в старшую попал.
Вторая, поднырнув под нее, на крыльях ее
понесла.
Птицами став, улетели они.
Те девицы, лосями становясь,
Птицами становясь, земли исхаживали
[18, с. 130–131].

Улигер хамниган

Идет по лесу, держа в руке свой лук, И видит
вдруг трех пасущихся там маралух-двухлеток.
Смотрел, смотрел, видит – одна из них
толстая, думает:
«Мне ее надолго хватит», – и пустил стрелу.
Стрела угодила прямо в спину.
Все они скрылись с шумом
[5, с. 137].

Дальнейшее развитие сюжета улигера и нимнгакана также схоже. Герои отправляются странствовать в верхний мир (эвенкийский герой на восток, хамниганский на северо-восток) в погоне за девицами-лосихами (маралухами) и после долгих приключений и подвигов, наконец, достигают владений правителя верхнего мира. Подстреленная ими маралуха (лосиха) оказывается старшей дочерью верховного правителя (хан Номунай в улигере, старик Солнце, Геван – в нимнгакане) [5, с. 139; 18, с. 134–135]. В улигере девушка сохраняет стрелу героя [5, с. 148], а в нимнгакане герой вынимает свою стрелу и излечивает раненую девушку [18, с. 135], либо добирается на стреле в верхний мир, где находит девушку [14, с. 250]. В дальнейшем героям улигера и нимнгакана предстоит пройти трудные испытания, чтобы добиться согласия девушки и ее отца. Сказания завершаются признанием героя племенем верхнего мира и свадьбой. Финал эвенкийского и хамниганского сказаний об одиноком герое так же схож – оба занимают престол могущественного властителя верхнего мира: в нимнгакане герой выполняет самое трудное задание невесты, сумев облачиться в богатырскую одежду самого правителя Солнца [18, с. 136–137]; в улигере хан Номунай добровольно передает титул правителя Бодхон Харалдаю [5, с. 155–156].

На сходство некоторых второстепенных мотивов нимнгакана и улигера так же указывает единый генезис сюжета. Отдельного внимания заслуживает ключевой образ собаки. В улигере заповь собаки «*Чиначин чинаачин, чинаая, чинаая*» имеет звукоподражательное происхождение и происходит от эвенкийского *чиуэ-ми* – повизгивать, скулить, ворчать рычать (о собаке) [15, с. 721], что отмечал Д. Г. Дамдинов [5, с. 140]. В улигере девушка (главная героиня) помогает герою пройти испытания, превратившись в рыжую собачку. В нимнгакане об одиноком герое Хуругучоне присутствует образ собаки – щенка, в которого превращается эвенкийский охотник-богатырь в погоне за девицами-лосихами по пути в верхний мир [19, с. 73].

Как показал краткий анализ, структура и мотивный состав сюжета об одиноком герое-первопредке в эпических традициях эвенков и хамниган имеет отчетливое сходство, свидетельствующее о едином генезисе сюжета на ранних исторических этапах развития этноса.

Сюжет о конном охотнике

Сходство мотивного состава наблюдается в текстах с сюжетом о конном охотнике в нимнгакане витимо-олекминских эвенков «Торганай» и улигере у ононских хамниган «Мэргэн Цохондой». Зачин обоих текстов повествует о двух братьях:

Нимнгакан эвенков

В седой древности два брата родных жили...
Один из братьев по имени
Торганай жену имел

[18, с. 80].

Улигер хамниган

В прежнее старое время
Жил Забхалту-хозяин
У моря Заха.
Он имел младшего брата Засула.
Как появился, он не имел ближних.
Как родился, не имел родственников

[5, с. 225–226].

Завязка сюжета обоих сказаний строится на мотиве похищения. В сказании «Торганай» враги – Делоней и Каданай – похищают жену главного героя [18, с. 80]. В сказании Мерген Цохондой два брата-врага Дороной и Дорхоной похищают героя-первопредка Забхалту-хозяина, оставив его детей – брата и сестру [5, с. 226].

Одинокие герои обоих сказаний живут охотой и имеют одну лошадь (в нимнгакане), жеребенка (в улигере):

Нимнгакан эвенков

Одна лошадь у них была...
Парни охотой жили...
Когда кончилась еда, они на охоту пошли.

Улигер хамниган

В худом задрипанном балагане
Лишь с одним пестрым жеребенком.
И так жили они вдвоем там,
Питались тем, что добывали охотой на зверей.

Охотясь до самого вечера,
пока ночь не наступила,
Лосей гнали

[18, с. 80].

С каждой охотой изготавливали лук большой,
И этим парень убивал зверей.
Подрос и стал убивать лосей и изюбрей
[5, с. 226].

Развитием сюжета, завершающего зачин, является мотив путешествия эпического героя, сочетающийся с мотивом спасения – жены в эвенкийском сказании [18, с. 80–81], деда – в улигере хамниган [5, с. 226–227].

В обоих сюжетах главным помощником героя-богатыря является жеребенок, превращающийся в богатырского коня уже в пути эпического героя. В нимнгакане жеребенка волшебным образом рождает лошадь, в сюжете улигера пестрый жеребенок вырастает в могучего коня:

Нимнгакан эвенков

В левое ухо пролез,
Через правое вылез, выйдя
Через него, увидел – жеребенок стоит

[18, с. 81].

Улигер хамниган

Сделал седло серебряное,
Узду да подхвостный ремень.
Встал он однажды утром,
Оседлал своего пестрого жеребенка

[5, с. 226].

Запев коня в обоих сказаниях имеет единую лексическую основу: *Торгея, Торгея / Турги тургилзо*:

Нимнгакан эвенков

Едет-едет, скачет-скачет.
Вдруг конь его на поляне остановился:
– *Торгея, Торгея!*
Хозяин мой, хозяин!

[18, с. 81].

Улигер хамниган

Направился он в сторону северо-восточную.
Едет, вдруг конь молвит слово:
Турги тургилзо
Тургилай би тургилай би.
Турги тургилзо.
– Слушай меня, хозяин мой

[5, с. 226].

В обоих сюжетах присутствует сюжет об оживлении коня. В нимнгакане герой оживляет коня при помощи белой морской пены, в улигере конь возвращается к жизни, попив из молочного моря:

Нимнгакан эвенков

Белой пены набрав, кости коня помазал.
Суставы его смазал,
«Ихэ-хэк!» – заржав, вскочил конь перед ним

[18, с. 83].

Улигер хамниган

– Слушай, хозяин мой!
Силы уже оставляют меня,
Сними же быстрее седло и узду,
Пойду я к морю молочному,
Если из него попою я,
Опять буду хорошим конем и вернусь к тебе
[5, с. 252].

Мотив победы над врагом в эвенкийском и хамниганском сюжете содержит элемент волшебства. В обоих сюжетах победа над врагами достигается только после уничтожения вместилищ их душ: в нимнгакане души врагов хранятся в шкурках трех красных белок, в улигере – в семи стальных яйцах внутри барсука:

Нимгакан эвенков

Услышав, как борется Торганай,
Жена его, отбирая шкурки,
Говорит: «Если отберешь этих
белок и сожжешь в костре,
Каданаище исчезнет!»...
Услышав ее, он туда побежал,
Прибежал и, отобрав, в костре сжег.
Сжег их совсем. Когда сжег –
ни скалы, ни гольца,
Ни того трехголового Каданая не стало

[18, с. 85].

Улигер хамниган

Меньшая из собак на барсука пошла.
Затем все три собаки собрались,
Схватили его с трех сторон,
На весу держат.
Цохондой-хозяин растолкал их,
Затем из лука выстрелил,
На две части барсука разорвал.
Из груди его вытащил
Семь стальных яиц...
Вытащил одно,
Разбил его вдребезги.
Младший из Болодоров упал замертво...
Затем все шесть оставшихся яиц
По одному разбил.
Все шестеро Болодоров
Один за другим повалились

[5, 251–253].

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет обозначить сходство сюжетно-мотивного состава эпических традиций эвенков и хамниган, что особенно отчетливо проявляется в эпических традициях эвенков и хамниган Забайкалья. Совпадение ключевых мотивов в эпических сюжетах об одиноком герое и конном охотнике указывает на общий генезис фольклорных традиций эвенков и хамниган. Сюжет об одиноком герое является наиболее распространенным в устном народном творчестве большинства эвенкийских групп, его можно обозначить как наиболее древний сюжет, связанный как с мифологическим жанром, так и с наиболее ранними этапами истории эвенков. Сюжет о конном охотнике, вне сомнений, повествует о традициях коневодства, вошедшего в культурный комплекс эвенков Забайкалья и Приамурья в более позднее историческое время. Отчетливое сходство сюжетов и мотивов в эпосе эвенков и хамниган свидетельствует об общности этногенеза и подтверждает научную гипотезу о том, что хамниганы являются эвенкийской этнической группой, в этнографический комплекс которой органично вошли традиции коневодства и многие важнейшие культурные традиции монгольских народов.

Литература

1. Талько-Грынцевич Ю. Д. К антропологии тунгусов. Иройские хамнеганы. Антрополого-этнологический очерк. – Санкт-Петербург: ТипоЛитография «Герольд», 1905. – 146 с.
2. Варламова Г. И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. – Новосибирск : Наука, 2002. – 376 с.
3. Гомбоева С. В. Эвенкийские элементы в фольклоре хамниган // Тальцы. – 2009. – № 1(32). – С. 49–52.
4. Сем Т. Ю. Идеи о богатстве в фольклоре восточных эвенков // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации. Мат-лы науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург : Макс-принт, 2015. – С. 102–108.
5. Улигеры олонских хамниган / сост. Д. Г. Дамдинов. – Новосибирск : Наука, 1982. – 274 с.
6. Нанзатов Б. З. Шундуинские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение // Oriental Studies. – 2018. – Т. 3. – № 3. – С. 54–60.
7. Туголуков В. А. Конные тунгусы (этническая история) // Этногенез и этническая история народов Севера. – Москва : Наука, 1975. – С. 78–110.
8. Афанасьева Е. Ф. Эвенки Китая // Тунгусо-маньчжурские этносы в новом столетии: материалы всерос. конф. с междунар. участием (г. Улан-Удэ, 11 ноября 2009 г.). – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. – С. 11–21.

9. Неклюдов С. Ю., Грунтов И. А., Соловьева А. А. Фольклорно-лингвистическая экспедиция во Внутреннюю Монголию // Вестник РГНФ. – 2014. – № 4. – С. 152–158.
10. Ведомости плательщиков и неплательщиков ясака, журналы входящей и исходящей корреспонденции, сведения о пограничных караулах // Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 532.
11. Журнал входящих бумаг, ведомости на сбор ясака, о родившихся и умерших, инструкция по борьбе с эпидемическими заболеваниями животных, рапорты хлебопахотных смотрителей о посеве и урожае хлеба // Государственный архив Забайкальского края. – Ф. 300. – Оп. 1. – Д. 19. – Л. 381.
12. Хужертаевский дацан: Усть-Илимское Агинской волости Читинского уезда Забайкальской области // Государственный архив Республики Бурятия. – Ф. 471. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1–2.
13. Гунейский дацан: Усть-Иля Хамниганского хошуна Агинского ведомства (1802–1937) // Государственный архив Республики Бурятия. – Ф. 420. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 3.
14. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / сост. Г. М. Василевич. – Ленинград : Наука, 1966. – 400 с.
15. Эвенкийско-русский словарь / сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск : Наука, 2004. – 798 с.
16. Хамниганско-русский словарь / сост. Д. Г. Дамдинов, Е. В. Сундуева. – Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2015. – 364 с.
17. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г. М. Василевич. – Москва : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – 576 с.
18. Сказания восточных эвенков / сост. Г. И. Варламова, А. Н. Варламов. – Якутск : ЯФ ГУ изд-во СО РАН, 2004. – 234 с.
19. Фольклор эвенков Якутии / сост. А. В. Романова, А. Н. Мыреева. – Ленинград : Наука, 1971. – 330 с.

References

1. Talko-Gryntsevich Yu. D. On the anthropology of the Tungus. Iroic Hamnegans. Anthropological and ethnological essay. Saint Petersburg, Typolithography "Herald" Publ., 1905, 146 p. (In Russ.)
2. Varlamova G. I. Epic and ritual genres of Evenk folklore. Novosibirsk, Nauka Publ., 2002, 376 p. (In Russ.)
3. Gomboeva S. V. Evenk elements in folklore of hamnigan. *Taltsy*. 2009, no. 1(32), pp. 49–52. (In Russ.)
4. Sem T. Yu. Ideas about wealth in the folklore of the Eastern Evenks. In: Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovation: Materials of scientific conference. Saint Petersburg, Maksprint Publ., 2015, pp. 102–108. (In Russ.)
5. Uligers of Onon hamnigans. Ed. by D. G. Damdinov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, 274 p. (In Russ.)
6. Nanzatov B. Z. Shunduin hamnigans in the XIX century: ethnic composition and settlement. *Oriental Studies*. 2018, Vol. 3, no. 3, pp. 54–60. (In Russ.)
7. Tugolukov V. A. Equestrian Tunguses (ethnic history). In: Ethnogenesis and ethnic history of the peoples of the North. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 78–110. (In Russ.)
8. Afanasyeva E. F. Evenks of China. In: Tungus-Manchu ethnic groups in the new century: materials of the All-Russian conference with the International participation (Ulan-Ude, November 11, 2009). Ulan-Ude, Publishing House of the Buryat State University, 2010, pp. 11–21. (In Russ.)
9. Neklyudov S. Yu., Gruntov I. A., Solovyova A. A. Folklore and linguistic expedition to Inner Mongolia. *Bulletin of the Russian National Science Foundation*. 2014, no. 4, pp. 152–158. (In Russ.)
10. Statements of payers and non-payers of yasak, journals of incoming and outgoing correspondence, information about border guards. In: State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 300, Description 1, Document 15, p. 532. (In Russ.)
11. Journal of incoming papers, statements for the collection of yasak, about the born and the dead, instructions for combating epidemic diseases of animals, reports of grain keepers on sowing and harvest of bread. In: State Archive of the Trans-Baikal Territory. Fund 300, Description 1, Document 19, p. 381. (In Russ.)
12. Khuzhertaevsky datsan: Ust-Ilimskoye, Aginsky volost, Chita district, Trans-Baikal region. In: State Archive of the Republic of Buryatia. Fund 471, Description 1, Document 1, p. 1–2. (In Russ.)
13. Guneisky datsan: Ust-II of the Khamnigan khoshun of the Aginsky department (1802–1937). In: State Archive of the Republic of Buryatia. Fund 420, Description 1, Document 6, p. 3. (In Russ.)

14. Historical folklore of the Evenks. Tales and legends. Ed. by G. M. Vasilevich. Leningrad, Nauka Publ., 1966, 400 p. (In Russ.)
15. Evenk-Russian dictionary. Ed. by A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004, 798 p. (In Evenk and Russ.)
16. Khamnigan-Russian dictionary. Ed. by D. G. Damdinov, E. V. Sunduyeva. Irkutsk, Publishing house "Ottisk", 2015, 364 p. (In Evenk and Russ.)
17. Evenk-Russian dictionary. Ed. by G. M. Vasilevich. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958, 576 p. (In Evenk and Russ.)
18. Tales of the Eastern Evenks. Ed. by G. I. Varlamov, A. N. Varlamov. Yakutsk, YAF GU Publishing House SB RAS, 2004, 234 p. (In Russ.)
19. Folklore of the Evenks of Yakutia. Ed. by A. V. Romanova, A. N. Myreeva. Leningrad, Nauka Publ., 1971, 330 p. (In Russ.)